

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. З. ДЕМЬЯНКОВ

«СУБЪЕКТ», «ТЕМА», «ТОПИК»

В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (ОБЗОР II*)

Как известно, в последние 20 лет в западной лингвистической литературе преобладает взгляд на язык как на динамическую систему, а грамматика рассматривается как модель, отражающая синхронные отношения системы в терминах процессов. Последние описываются с помощью формального аппарата, связанного с понятием исчисления, используемым в современной формальной логике. Так, например, понятию «правило грамматики» в такой концепции языка соответствует понятие «правило вывода» в исчислении предикатов. Однако тот формальный аппарат, который имеется на сегодняшний день в распоряжении лингвистов данного направления, по устройству и организации гораздо сложнее, хотя в формальном отношении и не всегда точнее, чем соответствующий инструментарий математической логики.

Как часто бывает при появлении нового направления, увлеченность процедурной стороной описания на первых порах привела к недооценке проблем, относящихся к кругу традиционно лингвистических. Среди них и проблема определения понятия «субъект» (подлежащее) в грамматике.

Выяснение этого понятия в грамматической теории связано со следующим вопросом: как, описывая с помощью естественного языка внеязыковую реальность — процессы, события, состояния, чувства, — человек выделяет в этой реальности объекты и в структуре предложения оформляет их как имеющие тот или иной грамматический статус? Почему, скажем, когда мы хотим описать по-русски событие, состоящее в том, что Петр вчера вечером появился дома поздно, мы вольны выбрать на статус подлежащего тот или иной элемент ситуации, однако из всех возможных способов выражения наиболее нейтральным, ненарочитым, не несущим никаких дополнительных семантических нагрузок будет тот, где подлежащим является имя человеческого существа, выступающего в качестве активного виновника события? *Петр вчера вечером пришел домой поздно* (ср. предложения, где подлежащее представлено именем действия — *Появление Петра имело место вчера поздно вечером*, времени — *Вчерашний вечер был тем самым временем, когда Петр поздно пришел домой*, места — *Дом был тем местом, куда Петр пришел вчера поздно вечером*).

В первых работах в области «динамического» описания языка этот вопрос обходился. Предполагалось (см., например, «Аспекты синтаксической теории» Н. Хомского), что в сферу собственно грамматического объяснения подобные вопросы не входят: грамматика описывает только те факты языка, которые поддаются формулировке в терминах граммати-

* Обзор I см. в т. 38, № 3 настоящего журнала.

ческой правильности. Задача грамматики ограничивалась описанием синтаксических и семантических свойств языковых выражений — как правило, на уровне предложения — без описания их онтологической сущности и условий уместности употребления этих выражений в коммуникации. Такое грамматическое описание, как полагали авторы этой концепции, моделирует «владение языком» (competence), а сформулированный выше вопрос, вместе с другими вопросами, связанными с ограниченностью «поля зрения» человека, его памяти, с факторами человеческого общения и со степенью владения грамматической системой, был отнесен к ведению отдельной дисциплины — теории «языкового исполнения» (performance), которая в то время еще только должна была родиться. Разделение лингвистической теории на теорию владения и теорию исполнения произошло в результате признания ограниченности формальных средств существующей концепции представления структуры языкового выражения.

Новые подходы к рассматриваемой здесь проблеме в дальнейшем оказались связаны скорее с развитием взглядов на то, как должно выглядеть языковедческое представление, репрезентация синтактико-семантической структуры высказывания, и только во вторую очередь с прогрессом в исследовании формальных свойств правил.

Вопрос о представлении входит как раз в тот круг проблем, которые по преимуществу ставились в традиционных и структуралистических исследованиях: найти наиболее адекватный способ изображения синтаксической (и одновременно семантической) структуры языкового выражения, который отображал бы, с одной стороны, его свойства в плане выражения (наличие синтаксических и семантических согласований между различными элементами предложения, установление соотношений между свойствами различных предложений одного и того же языка и др.), а с другой — соотносённость этих свойств с воспринимаемым и познаваемым человеком миром вещей и их отношений. Для ранних этапов развития «динамического» подхода, о котором идет речь, было характерно рассмотрение указанных двух видов свойств как относительно независимых, а дальнейшее развитие в его рамках взглядов на лингвистическое представление связано с постепенным устранением этого разрыва.

В первых работах указанного подхода структура предложения задавалась в терминах грамматики непосредственно составляющих (НС). Поскольку же представление исключительно в рамках такого способа анализа бесспорным образом не всегда возможно, было предположено, что существуют два уровня представления: уровень конструкторов, на котором предложение полностью описывается в терминах НС (это тот уровень, на котором каким-либо вполне прозрачным образом заданы синтагматические и парадигматические отношения), и уровень наблюдения (на нем эти отношения не обязаны быть эксплицитно заданы). Первый уровень связывался со вторым посредством трансформационных правил: обычно это правила, переводящие выражения постулируемого первого уровня, уровня реконструируемых исходных представлений, в представления второго, «поверхностного». В соответствии с этим приходится различать и понятия «субъект», «прямой объект», «предикат» и т. п. исходного и поверхностного уровней. Например, если считать, что на исходном уровне предложения *Лена любит Ваню* и *Ваня любит Лену* имеют одинаковые или сходные представления (одинаковыми они считались в модели «Синтаксических структур», сходными, но не идентичными — в модели «Аспектов» и в более поздних работах), то придется говорить о *Лене* как о субъекте исходного для обоих предложений уровня, в словенном дополнении поверхностного уровня в случае второго предложения и субъекте поверхностного уровня для первого. Это равносильно тому, чтобы принять, что на исходном уровне представления предложений более близки к активным предложениям, чем к пассивным, и что пассивные предложения — результат трансформационного процесса, пассивизации.

Такой взгляд на понятие субъекта близок к различению так называемых грамматического и логического субъектов: первый соответствует субъекту поверхностного уровня, второй — субъекту исходного уровня. Однако ничто не дает нам твердых оснований считать, что именно активная, а не пассивная форма предложений ближе к исходному представлению предложений (см. об этом Фрейдин, 1975). Здесь возникает проблема, порожденная «метатеоретическим» способом рассмотрения языка, а не свойствами самого языка-объекта.

При таком подходе возникает и другая проблема. В грамматике НС, т. е. при том анализе, в рамках которого выполнено представление на исходном уровне, понятие субъекта можно определить через конфигурацию структуры НС: например, субъектом является та именная составляющая (*noun phrase*), которая непосредственно доминирована узлом с пометкой «предложение». Поэтому если принять постулат о неизбыточности исходной структуры¹ дополнительно к постулату о ее «прозрачности», то возможны две противоположные гипотезы относительно статуса субъекта. Первая: понятие «субъект», так же как понятия «предикат», «объект» и т. п., не является категорией, заданной эксплицитно в самом представлении предложения, а принадлежит сфере метатеоретической интерпретации для этого представления. Вторая гипотеза: субъект и другие грамматические отношения входят в качестве неопределяемых понятий в само представление как на исходном, так и на поверхностном уровне, т. е. являются понятиями языка-объекта.

При принятии первой гипотезы (вслед за «Аспектами») исследователи исходили из предположения, что трансформационные правила можно сформулировать, не прибегая к понятию субъекта. Действительно, это обычно возможно сделать. Однако если принять эту «конфигурационную» гипотезу, то некоторые трансформационные правила придется формулировать по-разному для разных языков, несмотря на функциональные сходства этих правил в разных языках. Например, правило пассивизации приходится формулировать тем, а не иным способом в зависимости от постулируемого в исходной структуре линейного порядка элементов, в то время как это же правило можно было бы сформулировать универсальным образом как процесс выдвижения объекта исходной структуры на роль субъекта, при результирующем понижении в ранге субъекта исходной структуры.

Последняя идея о трансформационном процессе как о процессе изменения «ролевой структуры» предложения была заложена в «грамматике падежа» Ч. Филлмора (*case grammar*), а до него — в грамматике Л. Теньера. В концепции грамматики падежа предполагалось, что структура предложения может быть представлена как некоторая рамочная конструкция, стержень которой — глагол (предикат) предложения. Такая конструкция представляет собой набор универсальных ролей — падежных категорий, «прорезей» (*slots*), в которые могут быть вставлены именные составляющие и даже целые предложения. «Грамматика падежа» оказала огромное влияние на последующее развитие синтаксической теории. По ее образцу были предложены и другие способы представления предложения: локалистский подход Дж. Андерсона (см. Андерсон, 1971, 1973; Дж. Миллер, 1974), грамматика «структуры движения» (см. Л. Талми, 1975, 1975а, 1977; и др.), «рамочная семантика» (*frame semantics* — см. Филлмор, 1975, 1977; Кан, 1975; Генслер, 1977; Роудз, 1977, и др.), «теория гештальтов» (см. Дж. Лакофф, 1977) и другие, где понятие падежной рамки (*case frame*) было распространено и на такие явления, которые охватывают так или иначе материальный контекст описываемого в предложении события или состояния и социальный контекст общения. Именно этот «рамочный» подход используется в теории искусственного интеллек-

¹ Вообще говоря, принятие такого постулата не бесспорно.

та, в том ее направлении, которое именуется иногда «теорией фреймов» (frame theory), т. е. теорией рамок. В таком подходе понятие субъекта предложения ставится в ряд других «ролевых» функций, приписываемых тем или иным выделяемым во внешнем мире объектам.

Однако довольно скоро исследователям пришлось столкнуться с тем фактом, что зачастую бывает трудно найти универсальные критерии разграничения падежных функций, а способ изображения структуры сложного предложения в этой концепции представляется проблематичным. Например, какую ролевую функцию должна иметь в исходной структуре именная составляющая *ветром* в предложении *Ветром снесло у гражданки шляпу*: инструментом, «элементивом», нейтральным объектом или каким-либо другим?

В «грамматике падежа» постулируется существование в языках стратегии выдвижения на роль субъектной составляющей исполнителей тех или иных ролей исходной структуры. Так, «немаркированным» субъектом поверхностной структуры становится именная составляющая, описывающая человеческое или вообще одушевленное существо — «агентив», или «деятель»; если такой составляющей в исходной структуре нет, то субъектом становится имя инструмента, если нет и его — то имя исполнителя некоторой нейтральной роли. Например, ср. «немаркированные» предложения *Дворник открывает ключом ворота* (субъект поверхностной структуры — агентив) и *Ключ открывает ворота* (субъект поверхностной структуры — инструмент, поскольку агентива нет).

В рамках «грамматики падежа» невыделенной оказывается «роль» говорящего. Учесть ее попытался (правда, вне такого «рамочного» подхода) Дж. Росс (см. Росс, 1970). У него главным субъектом исходной структуры любого предложения является «Я», а предикатом — глагол говорения (в случае утвердительных предложений), спрашивания (в случае вопросительных предложений), волеизъявления (в случае повелительных предложений) и т. п. Так, предложение *Сгни муху с варенья!* в концепции Дж. Росса имеет примерно такое же представление, что и предложение *Я прошу тебя сознать муху с варенья*. Трудность воплощения этого подхода, называемого «перформативным анализом» (о термине «перформатив» см., например, Бенвенист, 1974 и Сейдок, 1974), связана с тем, что при постулировании исходной структуры предложения приходится выбирать определенный глагол в качестве главного предиката, а это не всегда можно сделать с уверенностью, в отвлечении от конкретной ситуации общения. Так, в приведенном примере с одинаковой долей вероятности можно было бы постулировать в качестве такого предиката глаголы «приказываю», «умоляю», «угрожаю» и т. п. Подобные соображения наводят на мысль, что «перформативное представление» предложения, в котором говорящий изображается как выполняющий определенный «речевой акт», вряд ли может претендовать на роль исходной структуры. Необходимо скорее признать, как это делает Дж. Сейдок (см. Сейдок, 1974, 1975), что оно получается как результат преобразования какого-либо иного представления предложения по правилам «прагматической интерпретации» — при учете конкретных ситуационных условий и потенциальных «внутриречевых» (illocutionary) свойств предложения. Возможно, что такая интерпретация осуществляется тем способом, который описывается в статье Гордона и Лакоффа (1971), — путем соотношения исходной структуры одного предложения с исходными или поверхностными структурами других предложений (при изменении содержащихся в них индикаторов внутриречевых свойств), а возможно, что и каким-то другим способом — это другой вопрос. Существенно, что понятие субъекта оказалось вовлеченным в дискуссию о роли предложения в человеческом общении, или, как стало принятым выражаться, в реализации определенных стратегий межличностного взаимодействия. Свое продолжение «перформативный анализ» нашел в большом количестве концепций, в частности в так на-

зываемой «функциональной стратиграфии» (см. Лангакер, 1975; Лангакер, Мунро, 1975).

До сих пор мы касались только тех концепций, где «субъект» либо является чисто метатеоретическим понятием, либо не входит в исходную структуру, будучи исключительно понятием поверхностной структуры. Иногда в синтаксических исследованиях под субъектом понимается элемент исходной структуры, в поверхностной структуре имеющий совершенно иной статус и называемый то п и к о м (см., например, Смит, 1971) или т е м о й (см. Трауготт, 1972). Понятие «топик», так же как и понятие «тема», оказывается связанным с понятием субъекта; впрочем, для них также не существует общепринятых определений.

В современной лингвистической американской литературе термин «топик» употребляется в нескольких смыслах. В одном из них он эквивалентен термину «тема» в концепции пражского функционализма: это тот элемент предложения, который сообщает минимально новую информацию; в этой концепции топик зависит не столько от грамматической организации предложения, сколько от его контекста (см. Хорнби, 1971; Брекле, 1972; Лайонз, 1968), и может даже вообще не быть связан с грамматической организацией (см. Халлидей, 1967, 1970). Топик может даже не быть, строго говоря, составляющей предложения (см. Курода, 1973): так, в паре вопросов — ответ *Что потом произошло между Джоном и Биллом? — Джон все-таки угорюлил Билла съесть манную кашу*, в соответствии с таким пониманием топиком должна быть пара *Джон и Билл*, а между тем эти имена находятся в совершенно разных местах второго предложения.

Во втором понимании термина под топиком подразумевается логический субъект — то лицо или тот объект, о котором в предложении идет речь (вне зависимости, упоминается ли он впервые или нет); а то, что сообщается о топике в предложении, называется комментарием (comment). Поскольку при этом понимании желательно, по возможности, единообразно определять топик в предложениях разных типов, топик определяется при этом (см., например, Барри, 1975) как «ролевая функция» конкретного предложения, задающая универсум дискурса (множество объектов, имена которых содержатся в дискурсе или иным образом описываются в дискурсе), релевантный для остальной части этого же предложения — для комментария, при том, что относительно топика комментарий должен быть осмыслен в качестве утверждения. Во втором понимании топик относится к плану содержания, а в первом — к плану выражения, в конкретных случаях выделение топика в соответствии с обеими концепциями, видимо, совпадает (см. Морган, 1975). Иногда различаются также «потенциальный топик» — референт впервые введенной в дискурс именной составляющей — и «актуальный топик», или топиговая именная составляющая — та составляющая, референт которой достаточно хорошо был описан по ходу дискурса до рассматриваемого предложения (см. Кантор, 1976).

Однако когда речь заходит о практическом разделении субъекта и топика предложения, возможны различные подходы. Так, Ч. Ли и С. Томпсон (см. Ли, Томпсон, 1974, 1974а, 1976) характеризуют топик как элемент, который, в отличие от субъекта, не связан отношениями семантического согласования (селекционными ограничениями) с глаголом и не влияет на возможность появления возвратных местоимений, становясь чем-то вроде субъекта в логике, предикат которого выражается целым предложением. Другая точка зрения высказана Т. Гивоном (см. Гивон, 1976), который полагает, что согласование глагола происходит на самом деле именно с топиком, а не с субъектом (тогда процесс согласования некоторой именной составляющей с глаголом и процесс прономинализации представляются как одно и то же явление). Такая неустойчивость критериев разграничения топика и субъекта связывается некоторыми авторами (см. Веннеманн, 1974; Батлер, 1977) со степенью устойчивости системы язы-

ка в диахроническом аспекте: при изменении господствующего порядка слов в языке роль топика возрастает, и он может брать на себя свойства субъекта — типа согласованности с глаголом; в иные же периоды развития языка топик и субъект более жестко разграничены, и можно различать (см. Ли, Томпсон, 1976) топики-главные языки, субъектно-главные языки и переходные градации, в зависимости от того, что превалирует в данном языке: отношение субъект — предикат или топик — комментарий.

Возможно, наиболее органично ряд понятий «субъект — топик — тема» вписывается в концепцию «упаковки» (packaging) У. Чейфа (см. Чейф, 1974, 1976). В ней различается то, что передается предложением — сообщение (message), и то, в каком виде, в какой «упаковке» это передается. Упаковка — это прежде всего оформление предложения, связанное со способом подачи предложения говорящим, и она только косвенно определяется содержанием сообщенного. В упаковку входит: 1) противопоставление: новая информация — старая информация, 2) «фокус контраста» (см. ниже), 3) противопоставление: определенность — неопределенность, 4) субъект, 5) топик, 6) точка зрения, или «эмпатия» (empathy). К упаковке не относятся, по У. Чейфу, такие аспекты, как тема и эмфаза: эти понятия относятся им к сообщенному. Определение элементов упаковки дается с помощью понятия осознания, или осознанности. Так, старая информация — это та информация, которая, как говорящему *A* представляется, находится в сознании адресата *B* в момент говорения *A*. Фокус контраста — это та часть предложения, которая является выделенной вследствие ее противопоставленности какому-либо отрывку того же дискурса, например, *Иван* в предложении *Иван съел ваш бутерброд* (а не Петр), фокус контраста выделяется с помощью грамматических средств или с помощью интонации и ударения («логического ударения»). Фокус контраста, вообще говоря, может не совпадать ни со старой, ни с новой информацией. С категорией определенности мы имеем дело, когда говорящий считает, что адресат осознает, кем является упоминаемый в данной ситуации общения объект, и может его идентифицировать. Топиком У. Чейф называет составляющую предложения, устанавливающую и задающую тот понятийный контекст (framework), в котором имеет место выраженная в предложении предикация (Н. Иклер такой топик называет ситуационным, см. Иклер, 1977). Субъектом У. Чейф называет то, о чем говорится в предложении, или то, что является отправным пунктом предложения, к которому в предложении сообщаются дополнительные сведения (Н. Иклер называет это тематическим топикиком; по его мнению, предложение может иметь более одного тематического топика).

Понятие эмпатии введено в оборот в лингвистическую литературу сравнительно недавно (см. Куно, 1975, 1976; Куно, Кабураки, 1977; Макино, 1976), оно заимствовано из социальной психологии. Говорят, что человек «эмпатизирует» с референтом некоторой именной составляющей, если предложение устроено так, что видно, что говорящий смотрит на описываемую в предложении ситуацию как бы из-за спины этого референта (в частном случае отождествляет себя с ним). Так, в предложении *Джон бьет свою жену* говорящий больше эмпатизирует с Джоном, чем с его женой — лицом, как бы определяемым через отношение (родственное в данном случае) к Джону, в предложении *Мери была жестоко избита своим собственным мужем* говорящий эмпатизирует с Мэри больше, чем с ее мужем, а в предложении *Джон и Мери поцеловались в знак примирения* разница в степени эмпатии с Джоном и с Мери незначительна. Тот объект, с которым говорящий эмпатизирует, называется фокусом эмпатии. В работах по эмпатии выдвигается гипотеза о запрещенности несбалансированных двух или более фокусов эмпатии в предложении: предложение, не удовлетворяющее этому условию, приводит к

впечатлению высказывания человека с раздвоением внутреннего «Я» («шизофреничного высказывания»). Так, в предложении *Муж Мери бьет свою жену* жена, Мери, упоминается дважды: один раз как самостоятельное имя, с точки зрения ее и говорится о другом участнике ситуации — ее муже, другой же раз о Мери говорится как бы с точки зрения этого другого участника — когда она называется его женой. Осмысление такого предложения дает эффект, сравнимый с известными зрительными иллюзиями, когда общий вид картины не вызывает никаких подозрений, а восприятие колеблется между несколькими точками зрения.

Различные роли, которые играют участники описываемой предложением ситуации, отраженные в поверхностной структуре предложения, с разной степенью легкости допустимы в качестве фокуса эмпатии: во-первых, легче всего эмпатизировать с референтом субъекта, труднее — с референтом прямого дополнения, еще труднее — с референтом логического субъекта в пассивном предложении; во-вторых, легче всего эмпатизировать с говорящим, труднее — со слушающим и труднее всего — с третьим лицом, при наличии имени одного из первых двух в том же предложении: в-третьих, легче всего эмпатизировать с человеком, труднее — с животным, еще труднее — с неодушевленным предметом; в-четвертых, легче эмпатизировать с объектом или лицом, уже упомянутым в дискурсе (по определению, данному в статье Куно, Кабураки, 1977, это — *ди с к у р с н ы й т о п и к*), чем с впервые упоминаемым. Вот почему, например, предложение *Джон рассказал жене все о себе* более естественно, чем *Жене было рассказано Джоном все о себе*.

Итак, в соответствии с концепцией У. Чейфа, следует различать: что относится к структуре сообщаемого и тем самым влияет на те или иные логические, когнитивные, психологические и другие свойства высказывания, а что — к упаковке и связано с первыми только косвенным, «непреднамеренным» образом.

Тема — т. е. резюме, или общий «сюжет» дискурса или его части, к упаковке не отнесена. Сам же термин «тема» также понимается по-разному в разных работах. Наименее стандартно он определяется в концепциях Дж. Грубера (см. Грубер, 1965, 1967) и Р. Джеккендоффа (см. Джеккендофф, 1972), где связывается с некоторым видом отношения валентности глагола (по мнению Дж. Лайонза, это употребление термина неудачно, см. Лайонз, 1977; ср. также Хадсон, 1976). В концепции М. Халлидея (см. Халлидей, 1970), «тематическая» структура языкового выражения — это способ грамматической и фонологической организации предложения как сигнала, передающего сообщаемое, и зависит от контекста. Дж. Лайонз (см. Лайонз, 1977) различает тематически нейтральные (немаркированные) и тематически маркированные выражения: в первых тема, или «тематический субъект», совпадает с логическим субъектом, а во вторых — не совпадает. Тематическая нейтральность и маркированность определяются видами презумпций (пресуппозиций) говорящего и выражаются с помощью ударения и интонационного контура. Например, предложение *Джон убежал*, с теми же презумпциями, что и в предложениях *Кто убежал?* и *Джон убежал?*, тематически нейтрально. В этом подходе понятие тематического субъекта отождествляется с понятием психологического субъекта, т. е. «когнитивной исходной точкой», из которой исходит говорящий, воплощая в высказывании свое намерение. При таком понимании терминов предложение типа *Нынешний король Франции лис*, кочующее из одного исследования презумпций в другое, является, в концепции Дж. Лайонза, высказыванием, лишенным истинностного значения только в случае, когда имя *нынешний король Франции*, не имеющее референции, является в предложении тематическим субъектом, — в противоположном случае такое предложение задает ложное высказывание (ср. также Стросон, 1964, 1974).

До сих пор перечисленные точки зрения оперировали понятиями «субъ-

ект», «топик» и «тема» как присутствующими в представлении предложения любого языка. Однако при этом не предполагается, что критерии определения этих понятий во всех языках должны быть непременно неизменными. Хотя в каждом языке можно выделить определенные свойства языковых выражений на основе смысловых функций и выразить их через эти функции с помощью универсальных определений, тем не менее критерии выделения функций не являются вполне универсальными.

Этот взгляд особенно четко прослеживается в работах, выполненных в рамках так называемой г р а м м а т и к и о т н о ш е н и й (relational grammar) — направления, возникшего около 1971 г. в связи с выдвиганием необходимости рассматривать грамматические отношения (субъект, предикат, прямой объект и т. п.) как элементарные, не определяемые через конфигурацию (конфигурационная гипотеза, о которой говорилось выше, в указанном направлении отвергается). Так, все трансформационные правила разбиваются на два класса: меняющие грамматические отношения в предложении — типа пассивизации и перенесения субъекта придаточного предложения в главное — и не меняющие их. Эти же виды трансформаций различаются и в других формальных аспектах: они имеют различные свойства в грамматическом механизме, связанном с упорядочением работы правил друг относительно друга. Так, правила, меняющие отношения, являются «циклическими», т. е. «работают» над предложениями-составляющими (входящими в состав структуры предложения, заданной в категориях НС) порознь, переходя от более мелких предложений-составляющих к более крупным, т. е. включающим предыдущие, «обработанные» предложения-составляющие (понятие цикла было введено в работе Филлмор, 1963, о нем существует обширная литература, см. Кимбалл, 1972, и многие другие). П. Постал и Д. Перлмуттер в своих лекциях 1974 г. первыми предложили формулировать циклические трансформации в терминах грамматических отношений. В работах Д. Джонсона (см. Джонсон, 1974, 1977) этот взгляд был развит и оформился как гипотеза о структуре универсальной грамматики и ее отношениях с правилами конкретных языков.

Грамматика отношений — это как раз то направление, в котором постулируется существование субъекта и на исходном, и на поверхностном уровне представления. Работы в этом направлении можно разделить на две группы (см. Нунан, 1977). К одной группе относятся работы, в которых грамматические отношения являются неопределяемыми понятиями грамматической теории, отличными от семантических понятий типа «агентив», «топик», «инструмент» и т. п. (например, Перлмуттер, Постал, 1977; Джонсон, 1974, и др.); к другой — те, в которых грамматические отношения можно определить в терминах более примитивных категорий, хотя они и входят эксплицитно в представления предложений. Последняя группа в свою очередь представлена двумя подгруппами: а) работы, где эти отношения определяются преимущественно в терминах синтаксических категорий (например, в концепции Э. Кинана), и б) работы, где эти отношения определяются преимущественно на основе функциональных — т. е. семантических и прагматических — критериев (это подход У. Чейфа, Ч. Ли, С. Томпсона и др.).

В концепции Э. Кинана (см. Кинан, 1976) с у б ъ е к т определяется следующим образом: сначала предлагаются универсальные характеристики так называемых «базисных» субъектов, а затем даются критерии для определения того, насколько данная именная составляющая (ИС) отвечает этим характеристикам в предложении данного языка. Эти критерии задаются в виде «иерархии предпочтения», в соответствии с которой можно говорить о степени потенциальной субъектности ИС. Б а з и с н ы м с у б ъ е к т о м называется субъект базисного предложения — предложения, в отношении свойств грамматических функций являющегося стандартным. Так, предложение А является базисным, если не существует

другого предложения того же языка, которое по отношению к А является более базисной структурой, чем А. В свою очередь структура А является более базисной, чем структура В, если для объяснения и понимания смысла В необходимо привлекать смысл А. Например, предложение *Я знаю, что Петр пришел вчера поздно* не является базисным, так как для его понимания необходимо прибегать к смыслу предложения *Петр пришел вчера поздно*. Э. Кинан на основании рассмотрения существующих в лингвистических исследованиях критериев полагает, что ИС является базисным субъектом в той степени, в какой она имеет следующие свойства:

I свойства автономии — 1) единица, референтная этой ИС, не связана в своей референции с действием или свойством, описываемым в данном предложении, 2) эту ИС нельзя удалить из предложения без потери его полноты, 3) референция этой ИС определима адресатом в момент говорения вне зависимости от референции остальных составляющих после нее в этом же предложении;

II свойства падежной маркировки — 1) базисный субъект безобъектных предложений обычно не имеет падежных показателей, если другие ИС данного языка их не имеют, 2) если в данном языке возможно изменение падежных показателей при образовании каузативных предложений из некаузативных, то это происходит и с базисным субъектом, 3) то же в случае номинализации;

III семантическая роль — 1) для референта базисного субъекта она предсказуема по форме глагола главного предложения, 2) субъектная составляющая обычно выражает агента действия, адресата при императивах, а также имеет ту же позицию, падежные показатели и согласование с глаголом, что и ИС, выражающая «каузатора» в базисных каузативных предложениях;

IV непосредственная доминация — базисный субъект непосредственно доминирует вершинным узлом предложения (это свойство как раз и эксплуатируется конфигурационной гипотезой).

В концепции Э. Кинана топик определяется как составляющая, обладающая следующими свойствами:

I позитивные — 1) дает «старую» информацию, обязательно обладает свойством определенности, 2) является «центром внимания»;

II негативные — 1) не согласуется с глаголом по лицу и числу, 2) не связана обязательными отношениями семантического согласования с глаголом.

В этой концепции топик скорее определяется как то, что могло бы быть субъектом, но не обладает нужными дополнительными свойствами.

Данные Э. Кинаном определения свойств субъекта и топика логически не безупречны. Впрочем, автор и не претендовал на окончательное решение проблемы, пытаясь просто выделить тот набор свойств, которые обычно принимаются как характерные для соответствующих ИС предложения. «Иерархия предпочтения» для субъекта сочетает в себе некоторые формальные свойства «тематической иерархии» Р. Джеккендоффа (см. Джеккендофф, 1972) и шкалы «доступности» Э. Кинана и Б. Комри (см. Кинан, Комри, 1977; Гэри, Кинан, 1977; Акиба, 1977; Штальке, 1976).

С функциональной стороны к проблеме определения указанных понятий подходят авторы «грамматики уровня предложения-составляющей» (clause-level grammar) (см. Фоли, Ван Валин, 1977). Они основываются на введенном П. Шахтером различии «ролевых» и «референтных» функций субъекта (см. Шахтер, 1976, 1977). «Ролевые» функции — это базисные роли, выполняемые именными составляющими в предложении (ср. понятие падежа в «грамматике падежа»): они сигнализируются падежными показателями и порядком слов (см. Фоли, 1976). «Референтная структура» предложения задает базисную структуру, отражаемую категориями типа «определенность» и «данное» в смысле концепции «упаковки», а также референцией к объектам внешнего мира. «Ролевая

структура» в рамках этого подхода сродни понятию падежной рамки (см. Филлмор, 1971). В данной же концепции можно говорить о «пике референции»: им является та ИС, которая занимает более высокое место на «шкале референции», чем любая другая ИС того же предложения. Пик референции более вероятен в качестве топика предложения, чем другие ИС того же предложения. Шкала референции имеет вид шкалы одушевленности: говорящий > слушающий > человек конкретный > человек вообще > одушевленное существо > неодушевленное существо — ср. сходное представление у Ю. С. Степанова (Степанов, 1979). Эта шкала, называемая также «естественной топиковой иерархией» и «иерархией топикового достоинства» (см. Фоли, 1976; Хокинсон, Хайман, 1974; Силверстейн, 1977), призвана формализовать сделанные выше наблюдения над естественностью выбора ИС в качестве «центра внимания». Однако она справедлива для простого предложения; пик референции, определяемый по ней, может задавать топик только в случае простого предложения. Аналогичный ему «ролевой пик» (см. Лакофф, 1977) по замыслу должен устанавливать нечто сходное относительно субъекта простого предложения. Остается пока что открытым вопрос о принципиальной возможности установить подобную иерархию для сложного предложения.

Подводя итог сказанному, отметим все возрастающий интерес к проблеме субъекта, топика и темы, который проявляется в двух ориентациях исследования: 1) в стремлении определить статус этих понятий в когнитивных процессах и в процессах речевой коммуникации, 2) в стремлении определять синтактико-семантические свойства элементов предложения, выражающих субъект, топик и тему. Решение вопроса, видимо, следует ожидать где-то на стыке этих направлений. Это в свою очередь приводит к необходимости установления координации лингвистических и логико-философских исследований. Так, не случайным является то, что все естественные языки обладают средствами для выражения указанных категорий, однако практически во всех формальных логических системах, пользующихся своим формализованным языком, понятие субъекта представлено маргинально, а понятия топика и темы и вовсе отсутствуют, что следует оценить скорее как их недостаток. Не с этим ли обстоятельством связаны гораздо большие потенции естественного языка в процессах познания и общения, чем возможности языков формальных логических систем, цель которых — моделирование человеческой интеллектуальной деятельности?

ЛИТЕРАТУРА

- Акиба, 1977.— *Akiba K. Conjunction to and postposition to in Japanese.*— In: *Papers from the 13th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, Illinois, 1977, p. 1—14.
- Андерсон, 1971.— *Anderson J. M. The grammar of case: toward a localistic theory.* London, 1971.
- Андерсон, 1973.— *Anderson J. M. An essay concerning aspect.* The Hague — Paris, 1973.
- Барри, 1975.— *Barry R. Topic in Chinese: an overlap of meaning, grammar, and discourse function.*— In: *Papers from the parasession on functionalism.* Ed. by R. E. Grossman et al. Chicago, Illinois, 1975, p. 1—9.
- Батлер, 1977.— *Butler M. C. Grammaticalization of topical elements in Middle English.*— In: *Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society.* Berkeley, California, 1977, p. 626—636.
- Бенвенист, 1974.— *Бенвенист Э. Общая лингвистика.* М., «Прогресс», 1974, с. 301—310.
- Брекле, 1972.— *Brekle H. E. Semantik. Eine Einführung in die sprachwissenschaftliche Bedeutungslehre.* München, 1972.
- Ван Валин, 1977.— *Van Valin R. D. Ergativity and the universality of subjects.*— In: *Papers from the 13th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, Illinois, 1977, p. 689—705.
- Веннеманн, 1974.— *Vennemann Th. Topics, subjects, and word order: from SXV to SVX via TVX.*— In: *Historical linguistics.* Ed. by J. Anderson, C. Jones. Amsterdam, 1974, p. 339—376.

- Гэри, Кинан, 1977.— *Gary J. O., Keenan E. L.* On collapsing grammatical relations in universal grammar.— In: *Syntax and Semantics*, v. 8. Grammatical relations. New York — San Francisco — London, 1977, p. 83—120.
- Генслер, 1977.— *Gensler O.* Non-syntactic antecedents and frame semantics.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1977, p. 321—334.
- Гивон, 1976.— *Givón T.* Topic, pronoun and grammatical agreement. In: *Subject and topic*. Ed. by C. Li. New York, 1976, p. 149—188.
- Гордон, Лакофф, 1971.— *Gordon D., Lakoff G.* Conversational postulates.— In: *Papers from the 7th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1971, p. 63—85.
- Грубер, 1965.— *Gruber J. S.* Studies in lexical relations. Ph. D. dissertation, Mass., 1965.
- Грубер, 1967.— *Gruber J. S.* Topicalization in child language.— «*Foundations of language*». Dordrecht, v. 3, № 1, p. 37—68.
- Джеккендoff, 1972.— *Jackendoff R. S.* Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge, Mass., 1972.
- Джонсон, 1974.— *Johnson D. E.* On the role of grammatical relations in linguistic theory.— In: *Papers from the 10th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1974, p. 269—283.
- Джонсон, 1977.— *Johnson D. E.* On relational constraints on grammars.— In: *Syntax and Semantics*, v. 8. New York — San Francisco — London, 1977, p. 151—178.
- Джонсон, 1977a.— *Johnson D. E.* On Keenan's definition of «subject of».— «*Linguistic inquiry*». Cambridge, Mass., v. 9, p. 673—692.
- Иклер, 1977.— *Ickler N.* Topicalization and relativization in Old Russian.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1977, p. 656—669.
- Кан, 1975.— *Kahn E.* Frame semantics for motion verbs with application to metaphor.— In: *Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1975, p. 246—256.
- Кантор, 1976.— *Kantor R. N.* Discourse phenomena and linguistic theory.— In: *Ohio State University Working Papers*, № 21. Ohio, 1976, p. 161—188.
- Кимбалл, 1972.— *Kimball J. P.* Cyclic and linear grammar.— In: *Syntax and Semantics*, v. 1. Ed. by J. Kimball. New York — London, 1972, p. 63—80.
- Кинан, 1976.— *Keenan E. L.* Towards a universal definition of «subject».— In: *Subject and topic*. Ed. by C. Li. New York, 1976, p. 303—333.
- Кинан, 1976a.— *Keenan E. L.* Reference restricting operators in universal grammar.— In: *Proceedings of the second annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1976, p. 227—239.
- Кинан, Комри, 1977.— *Keenan E. L., Comrie B. S.* Noun phrase accessibility and universal grammar.— «*Linguistic inquiry*». Cambridge, Mass., 1977, v. 8, p. 63—99.
- Куно, 1975.— *Kuno S.* Three perspectives in the functional approach to syntax.— In: *Papers from the parasession on functionalism*. Ed. by R. E. Grossman et al. Chicago, Illinois, 1975, p. 275—336.
- Куно, 1976.— *Kuno S.* Subject, theme, and the speaker's empathy.— In: *Subject and topic*. Ed. by C. Li. New York, 1976, p. 467—444.
- Куно, Кабураки, 1977.— *Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and syntax.— «*Linguistic inquiry*». Cambridge, Mass., v. 9, p. 627—672.
- Куроода, 1973.— *Kuroda S.-Y.* The categorial and thethetic judgment: evidence from the Japanese syntax.— «*Foundations of language*». Dordrecht, v. 9, p. 153—185.
- Лайонз, 1968.— *Lyons Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., «Прогресс», 1978.
- Лайонз, 1977.— *Lyons J.* *Semantics*, v. 1—2. Cambridge, 1977.
- Лакофф, 1977.— *Lakoff G.* Linguistic Gestalts.— In: *Papers from the 13th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1977, p. 236—287.
- Лангакер, 1975.— *Langacker R. W.* Functional stratigraphy.— In: *Papers from the parasession on functionalism*. Ed. by R. E. Grossman et al. Chicago, Illinois, 1975, p. 351—397.
- Лангакер, Мунро, 1975.— *Langacker R. W., Munro P.* Passives and their meaning.— «*Language*». Baltimore, 1975, v. 51, p. 789—830.
- Ли, Томпсон, 1974.— *Li C. N., Thompson S. A.* An explanation of word order change SVO → SOV.— «*Foundations of language*». Dordrecht, 1974, v. 12, p. 201—244.
- Ли, Томпсон, 1974a.— *Li C. N., Thompson S. A.* Historical change of word order: a case study in Chinese and its implications.— In: *Historical linguistics*. Ed. by J. Anderson, C. Jones. Amsterdam, 1974, p. 199—217.
- Ли, Томпсон, 1976.— *Li C. N., Thompson S. A.* Subject and topic: a new typology of language.— In: *Subject and Topic*. Ed. by C. N. Li. New York, 1976, p. 457—489.
- Макино, 1976.— *Makino S.* Can a single sentence have more than one empathy focus?— In: *Papers from the 12th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1976, p. 476—485.
- Миллер, 1974.— *Miller J.* A localist account of the dative case in Russian.— In: *Slavic transformational syntax*. Ed. by R. D. Brecht, C. V. Chvany. Ann Arbor, 1974, p. 244—261.

- Морган, 1975.— *Morgan J. M.* Some remarks on the nature of sentences.— In: *Papers from the parasession on functionalism*. Ed. by R. E. Grossman et al. Chicago, Illinois, 1975, p. 433—449.
- Нунан, 1977.— *Noonan M.* On subjects and topics.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1977, p. 372—385.
- Перлмуттер, Постап, 1976.— *Perlmutter D., Postal P.* Toward a universal characterization of passivization.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1977, p. 394—417.
- Росс, 1970.— *Ross J. R.* On declarative sentences.— In: *Readings in English transformational grammar*. Mass.— Toronto—London, 1970, p. 222—272.
- Роудз, 1977.— *Rhodes R.* Semantics in a relational grammar.— In: *Papers from the 13th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1977, p. 503—514.
- Сейдок, 1974.— *Sadock J. M.* Toward a linguistic theory of speech acts. New York — San Francisco — London, 1974.
- Сейдок, 1975.— *Sadock J. M.* The soft, interpretive underbelly of generative semantics.— In: *Syntax and Semantics, v. 3. Speech acts*. Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York — San Francisco — London, 1975, p. 383—396.
- Силверстейн, 1977.— *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity.— In: *Grammatical categories in Australian languages*. Ed. by R. Dixon. Canberra, 1977, p. 112—171.
- Смит, 1971.— *Smith C. S.* Sentences in discourse: an analysis of a discourse by Bertrand Russell.— «*Journal of linguistics*». London, 1971, v. 7, p. 213—235.
- Степанов, 1979.— *Степанов Ю. С.* Иерархия имен и ранги субъектов.— В настоящем номере журнала.
- Стросон, 1964.— *Strawson P. F.* Identifying reference and truth values.— Repr. in: *Semantics: an interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Cambridge, 1971, p. 88—99.
- Стросон, 1974.— *Strawson P. F.* Subject and predicate in logic and grammar. London, 1974.
- Талми, 1975.— *Talmy L.* Semantics and syntax of motion.— In: *Syntax and Semantics, v. 4*. Ed. by J. Kimball. New York — San Francisco — London, 1975, p. 181—238.
- Талми, 1975а.— *Talmy L.* Figure and ground in complex sentences.— In: *Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1973, p. 419—430.
- Талми, 1977.— *Talmy L.* Rubber-sheet cognition in language.— In: *Papers from the 13th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1977, p. 612—628.
- Тевьер, 1959.— *Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
- Трауготт, 1972.— *Traugott E. C.* Review of K. H. Wagner, *Generative grammatical studies in the Old English language*.— «*Journal of linguistics*». London, 1972, v. 8, p. 297—301.
- Филлмор, 1963.— *Fillmore C. J.* The position of embedding transformations in a grammar.— «*Words*». New York, v. 19, p. 208—231.
- Филлмор, 1968.— *Fillmore C. J.* The case for case.— In: *Universals in linguistic theory*. London — New York — Sydney — Toronto, 1968, p. 1—88.
- Филлмор, 1971.— *Fillmore C. J.* Verbs of judging: an exercise in semantic description.— In: *Studies in linguistic semantics*. New York — Chicago — San Francisco, 1971, p. 273—290.
- Филлмор, 1975.— *Fillmore C. J.* An alternative to checklist theories of meaning.— In: *Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1975, p. 123—131.
- Филлмор, 1977.— *Fillmore C. J.* The case for case reopened.— In: *Syntax and Semantics, v. 8. Grammatical relations*. Ed. by P. Cole, J. Sadock. New York — San Francisco — London, 1977, p. 59—81.
- Фоли, 1976.— *Foley W. A.* *Comparative syntax in Austronesian*, Ph. D. dissertation, University of California. Berkeley, 1976.
- Фоли, Ван Валин, 1977.— *Foley W. A., Van Valin R. D.* On the viability of the notion of subject in universal grammar.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, California, 1977, p. 293—320.
- Фрейдин, 1975.— *Freidin R.* The analysis of passives.— «*Language*». Baltimore, 1975, v. 51, p. 384—405.
- Хадсон, 1976.— *Hudson R. A.* *Arguments for a non-transformational grammar*. Chicago, 1976.
- Халлидей, 1967.— *Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English.— «*Journal of linguistics*». London, 1967, v. 3, № 2, p. 199—244.
- Халлидей, 1970.— *Halliday M. A. K.* *Language structure and language function*.— In: *New Horizons in linguistics*. Ed. by J. Lyons. London, 1970, p. 140—165.
- Хокинсон, Хаймаг, 1974.— *Hawkinson A., Hyman L.* Hierarchies of natural topic in Shona.— In: *Studies in African linguistics*. London, 1974, v. 5, № 2, p. 147—170.

- Хомский, 1957.— *Хомский Н.* Синтаксические структуры.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2. М., ИЛ, 1962, с. 412—527.
- Хомский, 1965.— *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., Изд-во МГУ, 1972.
- Хорнби, 1971.— *Hornby P. A.* The role of topic-comment in the recall of cleft and pseudo-cleft sentences.— In: Papers from the 8th regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois, 1971, p. 445—453.
- Чейф, 1974.— *Chafe W. L.* Language and consciousness.— «Language». Baltimore, 1974, v. 50, p. 111—133.
- Чейф, 1976.— *Chafe W. L.* Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view.— In: Subject and topic. Ed. by C. Li. New York, 1976, p. 25—55.
- Шахтер, 1976.— *Schachter P.* The subject in Philippine languages: topic, actor, actor-topic, or none of the above? — In: Subject and topic. Ed. by C. Li. New York, 1976, p. 491—518.
- Шахтер, 1977.— *Schachter P.* Reference-related and role-related properties of subjects.— In: Syntax and Semantics, v. 8. Grammatical relations. Ed. by P. Cole, J. Sadock. New York — San Francisco — London, 1977, p. 279—306.
- Штальке, 1976.— *Stahlke H. F. W.* Which that.— «Language». Baltimore, 1976, v. 52, p. 584—610.